

«Смутное время» и Псковская земля (1608-1612 гг.)

События в Пскове в эпоху гражданской войны начала XVII в. изучались в отечественной науке начиная с С.М. Соловьева¹. Однако все последующие исследователи излагали факты, известные уже Соловьеву, почти ничего не добавив к давно введенному в научный оборот комплексу источников². Такая ситуация хорошо объяснима: в распоряжении историков имеется один основной источник – Псковские летописи, и почти полностью отсутствует актовый материал. Утрата архивов Смутного времени роковым образом сказывается на степени изученности важнейшей проблемы истории России – хода Смуты на Северо-Западе России. Однако следует подчеркнуть, что историки не использовали единичные документы, опубликованные еще в XIX в. – грамоты воевод Лжедмитрия II в Пскове и Великих Луках от 1608-1609 гг. Кроме того, над исследователями XX века зачастую довлела вульгарно понятая методология, заставлявшая их повсюду искать восстания и классовую борьбу.

Свою задачу я вижу в том, чтобы осуществить анализ событий начала XVII в., используя основной источник – Псковские летописи, проверив, где это возможно, их показания данными других источников, и ввести давно известные факты в современный историографический контекст. Псковские летописи начала XVII в. как источник вызвали интерес С.Ф. Платонова, который выделял в составе I Псковской летописи сказание «О бедах и скорбех и напастех». Уже в первой своей работе С.Ф.Платонов указал на противобоярскую тенденцию и баснословность сказания, которые «не позволяют придавать большую цену его показаниям». С.Ф. Платонова интересовали в сказании сведения «о московских делах и отношениях», в частности об обстоятельствах избрания М. Романова в 1613 г. С.Ф.Платонов отметил

Аракчеев Владимир Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Псковского пединститута им. С.М.Кирова

специфический литературный характер сказания: «Глубоко простонародное воззрение на ход политической жизни, соединенное с незнанием действительной ее обстановки и соединенное слепую ненавистью к сильным мира сего, сообщает псковскому сказанию известный историко-литературный интерес, но отнимает у него значение исторического «источника» в специальном смысле этого термина»³.

М.Н. Тихомиров выделил из псковских летописей три «повести о крестьянской войне начала XVII в.», подчеркнув их литературные достоинства и ценность как важных источников. Однако М.Н.Тихомиров не проанализировал несоответствия и умолчания летописных повестей. Отмечая антибоярский пафос сказаний, М.Н. Тихомиров обошел вниманием такое важное свойство летописного материала, как нечеткость терминологии⁴.

Так, в III летописи для обозначения верхушки псковского общества используется клишированный оборот «бояре и все лучшие люди». Между тем единственными боярами в Пскове в начале XVII в. были воевода Шереметев, казненный в тюрьме в 1609 г., и тушинские ставленники Ф. Плещеев и А.Ф. Жирового-Засекин. Следовательно, под «боярами» в псковских летописях подразумеваются «дети боярские» – псковские и великолукские помещики, входившие в состав уездной дворянской корпорации – служилого «города».

* * *

К 1608 г. «мятежное и кровопролитное», по выражению летописца, царствование Василия Шуйского продолжалось уже два года. В России разгоралась гражданская война, основным идеологическим двигателем которой было самозванчество. Феномен самозванчества тесно связан с переломом в общественном сознании (деструкцией средневекового сознания, обожествлявшие

го фигуру царя), и возникновением нового представления о власти монарха, предполагавшем возможность устранения «царя-мучителя». Перелом в сознании российского общества произошел в 1598 г., после пресечения династии Рюриковичей. Легитимизация царей, представлявших московское боярство (Годуновы, Шуйские), была обречена на неудачу в силу острейшего кризиса, поразившего Россию в начале XVII в. Как считает К.С. Ингерфлом, «отказывая монарху в законности, социум позволяет себе восставать и уполномочивает одного из своих членов самоназывать»⁵.

На первом этапе гражданской войны начала XVII в. московскому правительству пришлось бороться последовательно с тремя противниками: Лжедмитрием I (1604-1605 гг.), Болотниковым (1606-1607 гг.), Лжедмитрием II (1607-1610 гг.). Повстанческие армии трех вождей почти не отличались по своему составу, включая в себя дворян, служилых людей по прибору, холопов, казаков, крестьян из южных и юго-западных уездов страны. Как показал Р.Г. Скрынников, восстание Болотникова не носило антикрепостнического, антифеодального характера. Выводы современных исследователей позволяют иначе взглянуть и на события в Пскове в 1608-1612 гг., отказавшись от одностороннего и предвзятого толкования их как восстания против «боярского правительства и социальной верхушки посадского населения»⁶.

Псков находился вдалеке от театра военных действий с самозванцами и только по мере разрастания повстанческого движения оказывался втянутым в Смуту. 10 октября 1607 г. капитулировала Тула – последний оплот армии И. Болотникова. По условиям договора с вождями восстания, всем повстанцам была сохранена жизнь, и, по сообщению «Бельского летописца», после принесения присяги Шуйскому повстанцы были распущены «за крестным целованием по городом». Осенью-зимой 1607 г. партия бывших повстанцев из 400 человек прибыла в Псков. По сообщению летописца, псковичи их «пили, и кормили, и одевали, и плакали, на них смотря». Реакция горожан на содержание под стражей бывших повстанцев в литературе

рассматривается в контексте борьбы «больших» людей с «меньшими». На самом деле сочувствие к заключенным проявляло, видимо, все городское население, ведь в их составе преобладали служилые люди – «дети боярские Северских городов»⁷.

Весной 1608 г. гражданская война вступила в новую фазу. 30 апреля – 1 мая 1608 г. правительственные войска потерпели поражение от армии Лжедмитрия II под Болховом. Часть армии Шуйского попала в плен, но была отпущена самозванцем по домам; псковские стрельцы вернулись в город «об Николине дни вешнем», то есть после 9 мая 1608 г. По сообщению летописца, «вор ... во Псков отпустил голови стрельцким Офонасья Огибалова и сотника Матфея Блаженкова со стрельцами псковскими и пригородцкими, и с ними грамоту... И голову стрельцово Офонасья Огибалова и Матфея Блаженникова и инех посадиша в тюрьму, а стрельцов роспустиша по пригородом, а псковских в слободу жити за Спаса за Мирожу реку»⁸. Очевидно, что воевода Шереметев увидел в служилых людях сторонников Лжедмитрия, и этим объясняется заключение под стражу дворянина Огибалова, который был псковским помещиком.

Между тем обстановка в стране накалялась. В начале июня 1608 г. армия Лжедмитрия II подошла к Москве и встала «табором» у села Тушина. Воеводы «тушинского вора» или «табарского царя», как стали называть Лжедмитрия, были отправлены в разные регионы России. На северо-западе появился отряд тушинского воеводы Федора Плещеева, и уже 12 июля 1608 г. три города с уездами – Великие Луки, Невель и Заволожье – принесли присягу самозванцу. Ф. Плещеев стал великолукским наместником и 15 июля отправил грамоту в соседнюю Речь Посполитую, адресованную увятскому подстаросте Ю. Каховскому. Сообщая о приведении к крестному целованию всего населения городов и уездов, включая дворян, детей боярских и крестьян, Плещеев требовал от польского администратора прекратить грабежи пограничных волостей⁹.

С другой стороны, дворяне и стрельцы псковских пригородов - организованная

сила, явно симпатизировавшая самозванцу – в августе 1608 г. также перешли на сторону Плещеева и активно участвовали в принесении присяги Лжедмитрию. Как сообщает автор летописи, «пригородские стрельцы с псковскими ... пошли на свои пригороды, на Себеж, да на Опочку, да на Остров, да на Изборск, и дети боярские по поместьям, и пригороды все смутили, и дети боярские и холопы их приведоша пригороды и волости к крестному целованию табарскому царю Дмитрию». Таким образом, южные уезды Псковской земли вышли из-под контроля правительства Шуйского, и на Северо-Западе России началась гражданская война.

Псков оказался отрезан от южных уездов и в августе 1608 г. был блокирован отрядами Плещеева. Обстановка в городе определялась недоверием воеводе Шереметеву и самоустранением «больших людей» от управления городом. Как сообщает летопись, «большие люди во всегородную (избу) не ходили, гнушались и смеялись и дома укрывались, и в совет позывали, и они не ходили, и давали волю мелким людем и стрелцом и казаком и поселяном во всем»¹⁰. Пассивность городской верхушки объясняется стремлением выждать время для выбора верного решения в обстановке политической нестабильности.

В самом деле, за три года до описываемых событий на российском троне уже утвердился самозванец Лжедмитрий I, и это не привело к социальному перевороту. «Большие люди» не рассматривали и Лжедмитрия II как своего классового врага, тем более, что его поддержала значительная часть псковских дворян. Таким образом, нет оснований говорить о «делении псковичей на два лагеря»¹¹ в 1608 г.; население города вело себя соответственно ситуации Смутного времени, пытаясь в целях самосохранения угадать, кто из претендентов на трон имеет наибольшие шансы победить.

В августе 1608 г. под Псковом развернулись военные действия, однако несогласованность отрядов Плещеева помешала ему добиться явной победы. Первыми подошли к Пскову стрельцы и литовские наемники из Изборска, но были отброшены от города отрядом под командованием Петра Бурцова,

потеряв при этом затинные пищали. Основные силы Плещеева подошли со стороны Выбуг, но «на дело немного не успели» и разместились под стенами Пскова «в Песках против Образа в Поли». Воевода Шереметев настаивал на сопротивлении тушинцам, призывая дожидаться помощи из Новгорода, где собирал вооруженные силы М.В. Скопин-Шуйский. Большинство псковичей категорически отказалось принимать шведский отряд, заявив воеводе: «мы де не хотим немец, и за то помрем». Положение Шереметева осложняло отсутствие поддержки даже со стороны дворян: Богдан Неведреев, сын боярский, распространял сведения о том, что якобы в Москву отправлен список из 70 имен посадских людей, обвиненных в измене, которых наряду со стрельцами ждет смертная казнь.

1 сентября 1608 г. в Пскове произошел переворот. Народ «подобно бури восколебашася, яко пьянии, и сказаша, что немцы на Устье у Николы, а прощаются во Псков, а стрельцы псковские за городом с Плещеевым; а кои в городе немногие стрельцы и дети боярские и посадские люди и всяких чинов в осаде не хотят сидети, и поселяне, а не многие люди от игумнов и попов и больших и средних людей хотят сидети». Власть была парализована, и вечером 1 сентября ратники Плещеева вошли в город. 2 сентября Псков, включая «детей боярских всех розных городов», целовал крест Лжедмитрию II. Помощь из Ивангорода и Новгорода опоздала, а половина правительственного отряда, включая донских казаков, перешла на сторону самозванца, оставшись в Пскове.

* * *

Временно став псковским воеводой, Плещеев первым делом освободил из тюрьмы повстанцев Болотникова: «А выпустили из тюрьмы 400 человек и больши дети боярских северских городов и всяких людей, и напоили, и накормили, и одели, и в таборы пошли под Москву». Таким образом, все антиправительственные движения времен Смуты комплектовались из одного источника – главным образом, из числа служилых людей, которые переходили из одного «воровского» лагеря в другой. Прежний воево-

да был арестован и позднее убит: «болярина же Петра Никитича Шереметева в темницы удавиша». Вскоре из Тушина в Псков прибыла новая администрация, литовская по происхождению – Андрей Тронянов Порецкий, которого летопись называет «белорусцем», и лютеранин пан Побединский. Однако литовская администрация, не успев «створить зла», съехала, и новым псковским воеводой стал сторонник самозванца князь Александр Жирового-Засекин¹².

Жирового-Засекин был потомком ярославских князей, его дед служил в опричнине Ивана Грозного, и новый псковский воевода, таким образом, был далеко не рядовым авантюристом, вовремя переметнувшимся к самозванцу. Как выяснил С.Ф. Платонов, князья Засекины изменили Шуйскому сразу после Ходынской битвы 25 июня 1608 г., отъехав в Тушино одновременно с князьями Трубецкими, А. Юрьевым, Д. Черкасским и другими. По замечанию С. Ф. Платонова, «родовитые слуги вора бывали обыкновенно на воеводствах в городах и войсках», и в их числе Жирового-Засекин, получивший псковское воеводство¹³.

Однако наиболее важной фигурой в администрации Пскова стал дьяк Иван Леонтьевич Луговской, или Льговский, «добрый муж в разуме и в сединах». Луговской был опытным приказным дельцом, продержавшимся в Пскове не менее трех лет. Видимо, благодаря его усилиям в Пскове была сохранена регулярная система управления, включавшая в себя сбор налогов для тушинского правительства («поголовщина») и оборонительные мероприятия, в том числе отправку служилых людей в ближнюю полковую службу на Великие Луки.

Тушинская администрация Пскова оказалась в сложном положении. С одной стороны, город подвергался усиливавшемуся натиску новгородского поместного ополчения, твердо сохранявшего верность правительству Шуйского. И в этот момент оборонительным возможностям Пскова был нанесен смертельный удар. 15 мая 1609 г. в городе произошел небывалый пожар, причиной которому была людская небрежность: «загорелось на Полонищи в Успенья Бого-

родицы, кисель варили». Пожар охватил большую часть города, включая Кремль, где «зелем вырвало обе стене на Великую реку и на Пскову реку, и наряд весь огорел и башни и раскаты и врата градские все просты выгорели, и зелие и оружие все згорело у всяких людей»¹⁴. Городу был нанесен удар сильнее, чем во время осады его Баторием. Летописец заметил, что «тогда дети боярские новгородские и псковские выехали в Новгород». Таким образом, из Пскова начались отъезды служилых людей, серьезно подрывавшие его обороноспособность.

С другой стороны, в Пскове началась внутренняя борьба, происхождение и характер которой во многом неясны. В летописи эти события названы «несказанными» – летописец затруднялся подобрать точную дефиницию для их определения. Часть жителей Пскова – духовенство, «большие люди», оставшиеся в городе дети боярские – стремились вернуть город под власть законного царя Шуйского. «Ратные люди, стрельцы и казаки, и мелкие люди и поселяне» сохраняли верность «вору». Во время нападения на Псков новгородского отряда Шарова 19 – 21 мая в городе были осуществлены экстраординарные меры: «измены для у бояр коней отняли, и стрельцам дали выезжати против новгородцов, а отъезжих боярынь в полаты пересажали и животы переписали; и новгородцы прочь пошли, и бояром кони отдали и боярынь выпустили ис полаты»¹⁵.

Однако репрессии против «больших людей» на этом не прекратились. Из летописи известно о систематических пытках, применявшихся по отношению к противникам тушинского режима: «А пытали у Смердых ворот, и коих имали в языках, и оне на пытках сказывали, что де изо Пскова пишут, и велят приходи ратию на Псков. И бояр многих мучили и жгли и ребра ломали, понеже бояре ссылалися изо Пскова в Новгород и большие люди; и пытали священников и Семена Великого и Омеляна Титова и инех». В литературе лето 1609 г. в Пскове традиционно интерпретируется как «высшая точка борьбы классов» и восстание меньших людей, в ходе которого «угнетенная масса выдвинула из своей среды вождя народного дви-

жения – Тимофея Кудекушу»¹⁶. «Мужик простой Тимофей», по сообщению летописи, «воеводам указывал и стоял крепко у пыток, и иные к нему таковии же присташи и овладеша градом».

К периоду так называемого «восстания меньших людей» относится грамота наместника Засекина, адресованная польскому наместнику Дерпта Бормовскому от июня 1609 г. Это единственный известный нам акт, вышедший из Псковской воеводской избы в период управления тушинцев, и единственный акт, в котором перечислена правящая верхушка Пскова: воевода и наместник Засекин, думный дьяк Лговский, дьяк Афонасий Истомина, всегородный староста Федор Игнатьев. Думный дьяк, которого в литературе с времен С.М. Соловьева называют, согласно Псковской летописи, Луговским, здесь назван Лговским (Льговским). Это позволяет нам предположить, что дьяк происходил из города Льгова, через который в 1607-1608 гг. проходила армия Лжедмитрия II.

Грамота была отправлена «по соседскому совету», т.е. после обсуждения с соседями – посадскими людьми. В грамоте содержалась просьба прислать из Прибалтики наемников для отражения нападений правительственных войск: «и вам бы и ныне Великого государя нашего его царского величества отчине, граду Пскову от его государевых изменников от ноугородцких людей помочь учинити и прислати во Псковской уезд, на ноугородцкой рубеж, ратных охочих волных конных и пеших людей, шляхты и гайдуков, расписав ротами, которые похотят великому государю нашему служить из найму, и от его государевых изменников от ноугородцких людей, Псковской уезд уберечи с Великого государя нашего царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси самодержца ратными людьми заодин...»¹⁷.

Весьма интересна лексика документа: своим государем псковская администрация признает «тушинского вора» Лжедмитрия II, царь Василий Шуйский и правительственные войска названы «изменниками», для борьбы с которыми и приглашаются наемники из-за рубежа. Грамоту доставили в Дерпт сын боярский М.П. Карповской, стрелецкий сот-

ник А. Бухвостов и посадский человек Р. Иванов. В акте нет ни единого намека на бунтававшее, согласно литературе, в это время «восстание меньших людей»; посадская община Пскова, дети боярские и стрельцы консолидированно выступают под знаменем самозванца против московского правительства.

Описанные события, безусловно, несли на себе печать социального антагонизма, однако очевидно, что общественным недовольством управляли дальновидные люди. В течение всего времени так называемого «восстания меньших людей» во главе города находилась тушинская администрация в лице воеводы Засекина и дьяка Луговского, которые «стояли у пыток» совместно с псковскими старостами, мелкими людьми и стрельцами. Беспорядки и репрессии в Пскове, таким образом, были управляемыми и лишь способствовали укреплению власти тушинцев. Псков приобрел твердую репутацию «воровского» города, будучи одним из бастионов разгоравшейся в стране гражданской войны.

Важной опорой самозванца продолжали оставаться Великие Луки, где наместником Лжедмитрия оставался Ф. М. Плещеев. Из опубликованного Б.Н. Флорей письма А. Госевского от 26 июля 1609 г. известно, что власть в Великих Луках принадлежала «поспльству», т.е. обществу, включавшему в себя служилых людей и «крестьян». Под последними, видимо, следует понимать тяглое население города и уезда в целом. Влияние «поспльства» было столь велико, что наместник Плещеев жаловался Госевскому: «Наши собственные крестьяне стали нашими господами, нас самих избивают и убивают, жен, детей, имущество наше берут как добычу. Здесь, на Луках, воеводу, который был до меня, посадили на кол, лучших бояр побили, повешали и погубили, и теперь всем владеют сами крестьяне, а мы, хоть и воеводы, из рук их смотрим на все»¹⁸.

Однако влияние «меньших людей» в Пскове оказалось кратковременным. 18 августа 1609 г. стрельцы «своим самовольством» казнили гостя Алексея Хозина, вызвав немедленный отпор всего городского населения. Псковский летописец отметил,

что «божиим строением поднялися всякие люди, большие и меньшие..., и на стрельцов, что без городцкого ведома владети хотят и казнити ведут не со всех думы, сами умысля, самоволием улучаючи, а Псковом того не ведают...». Стрельцы были изгнаны за пределы крепостных стен и надолго обосновались в укрепленной слободе за рекой Мирожей. Тюрьмы, где находились противники тушинцев, были «распущены», а в городе взяли верх «большие люди». Во всегородной избе проводилось дознание и осуществлялись пытки, у которых теперь «стояли» священнослужители. 10 человек из числа наиболее активных сторонников тушинского вора были казнены, другие арестованы: «насажали полату мелких людей полну»¹⁸.

Под натиском армии М.В. Скопина-Шуйского тушинский режим рухнул. 6 января 1610 г. «вор» вместе с отрядами казаков перешел в Калугу, и вскоре псковичи получили «похвальную грамоту» самозванца. Преамбула акта не сохранилась, в связи с чем мы не знаем его даты. Издатели датировали грамоту октябрём 1610 г., однако этому противоречит содержание акта. В грамоте упоминается «боярин наш», а Шуйский фигурирует как действующий царь. В связи с тем, что после отъезда Жирового-Засекина из Пскова 19 февраля в городе в течение года воевод не было, полагаем, что грамоту следует датировать периодом с 6 января до конца февраля 1610 г., когда в Калуге были уверены в продолжении воеводства Засекина в Пскове.

В похвальной грамоте, адресованной всему населению Пскова: детям боярским, «лутчим, середним и молодчим людям» и стрельцам подчеркивается верность псковичей Лжедмитрию II, милосердия которого псковичи «поискали ... наперед иных наших городов», и «по ся места нам служите и радеете». Самозванец предписывал прочесть грамоту «всем людям вслух», и требовал, чтобы псковичи «нам Великому государю служили и прямили по прежнему своему крестному целованию, как есте нам обещалися и души свои дали..., и стояли б есте себе, покаместа мы придем на наше государство на Москву, и смутным никаким речем не верили, и меж себя никого не побивали и не гра-

били, и безчестья и насилства никому не чинили»¹⁹. Видимо, тушинский вор был осведомлен о противоборстве в Пскове летом 1609 г. и тщетно призывал горожан к социальному миру.

Между тем 6 марта Тушино покинули последние отряды ратных людей Лжедмитрия II. В Пскове известие о разорении «таборов» было получено на масленице 12-18 февраля. В «чистый понедельник» 19 февраля в Пскове произошел новый переворот. Из изложения событий в летописях вырисовывается следующая картина. Двое стрельцов прибыли в Псков с грамотой Шуйского о бегстве вора и предложением признать законную власть: «чтобы псковичи обратилися паки к Московскому государству и соединилися, и стали бы заедино на воров и на Литву; начальницы же града и нарочитии мужие восхотеша приклонитися к государству и совокупишася, и хотеша вскоре крест целовати, и вражиим наветом того часу записи прежней не обретоша в казне, по чему крест целовати»²⁰.

Таким образом, из архива воеводской избы исчезла крестоцеловальная запись, использовавшаяся обычно при смене царей. Изъять из архива документ государственного значения мог только воевода или дьяк. Судя по тому, что воевода А. Жирового-Засекин после окончания беспорядков оставил город, он хотел присягнуть Шуйскому и не был заинтересован в исчезновении документа. Наиболее вероятным виновником отмены крестоцелования и очередного переворота следует считать дьяка Ивана Луговского, который после этого управлял городом больше года – до лета 1611 г.

Личность Луговского (Льговского) не менее загадочна, чем сами события Смутного времени в Пскове. Луговской, по всей видимости, происходил из провинциальной (г. Льгов) приказной среды, которая активно поддержала Лжедмитрия II в 1608 г. Как писал С.Ф. Платонов, администрация тушинского вора «оставалась по преимуществу в руках незнатных дьяков, и они приобретали важное значение в Тушине, так как составляли в нем правящий делами кружок»²¹. В то время, как воевода Жирового-Засекин вы-

полнял представительские функции, Луговской со свойственной приказному бюрократу хваткой на самом деле управлял не только Псковом, но и псковичами. Переход города под контроль правительства Шуйского привел бы к устранению Луговского от власти, и изворотливый дьяк, оставаясь в тени, стал режиссером нового переворота.

19 февраля город разделился на две части: духовенство, дети боярские и их послужильцы, запершись в Среднем городе, собрались на бывшей Торговой площади, «хотяще крест целовати, и мелких людей и до конца смирити и силою приводити, а непокоривых побити и стрельцов в слободе». С другой стороны, на Запсковье у церкви Козьмы и Демьяна собрались «всех чинов люди», стремившиеся сохранить верность тушинскому вору. К запсковлянам пришли на помощь жители Полонища, и сторонники Лжедмитрия попытались впустить в город стрельцов. Попытка детей боярских пробиться к Великим воротам на Полонище с целью заблокировать стрельцам вход в город не удалась.

Осознав, что попытка привести Псков к крестоцелованью провалилась, сторонники Шуйского, в числе которых были воевода Жирового-Засекин и гость Семен Порываев, покинули город. Всего из Пскова выехало до 300 человек гостей и детей боярских. Видимо, из Пскова уехали далеко не все противники тушинского режима, но столкновения в городе прошли почти без жертв: «и стрельцов в город пустиша, и ... дал Бог без крови разшедшеся, а чтобы их воля сотворилася, быти было крови много». Согласно традиционной точке зрения на период после событий 19 февраля 1610 г., «признание правительства Лжедмитрия II было в это время в Пскове чисто номинальным»²². Такое утверждение не подтверждается источниками.

Во-первых, в похвальной грамоте Лжедмитрия II Пскову, датируемой январем-февралем 1610 г., имеются недвусмысленные указания на строгое соблюдение псковичами условий крестоцеловальной записи. Псков был нужен самозванцу отнюдь не только как оборонительный центр. Лжедмитрий II остро нуждался в деньгах, а большинство поддерживавших его уездов и городов были

разорены. Из отписок тушинских наместников в Великих Луках ясно, что тушинская администрация старалась изъять в городах все наличные налоговые сборы: «что де у тебя на Луках в сборе томожных и кабацких денег или каких доходов ни буди, что ни есть, и государь царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси ... те все деньги велел дати пану Яну Павловичу Сопеге, кто ему тое государеву грамоту привезет»²³. Псков мог дать самозванцу денег на порядок больше, нежели полуразоренные Великие Луки, и отношения Пскова с самозванцем определялись обоюдной заинтересованностью.

Во-вторых, псковичи ожесточенно сопротивлялись попыткам московского правительства привести Псков к покорности. «После Петрова дни» (29 июня), т.е. в июле 1610 г., к Пскову подошел из Новгорода отряд В.Т. Долгорукова, включавший в себя не более 300 детей боярских и шведских наемников. Сражение на р. Промежице было полностью проиграно псковским ополчением, не обученным «ратному делу». Отряд шведов преследовал ополченцев до стен Пскова и первоначально намеревался блокировать город. Автор Псковской I летописи скептически оценивал шансы осажденного города: «аще бы тогда мало постояли, и град бы им здали»²⁴. Однако отряд Долгорукова отошел от города под угрозой столкновения с более опасным противником. Это была армия бывшего военачальника Лжедмитрия II Александра-Иосифа Лисовского.

* * *

А.И. Лисовский, лишенный за участие в рокоше прав состояния в Польше, появился в России в сентябре 1607 г. и стал одним из наиболее одиозных полевых командиров тушинского вора. Возглавивший в армии Лжедмитрия казачье ополчение, Лисовский участвовал в походах на Рязань, Суздаль, Кострому, Галич. Известие о появлении армии Лисовского в пределах Псковской земли в летописи не датировано, однако можно предположить, что Лисовский появился в Великих Луках после 15 июля 1610 г. В грамоте великолукских наместников Лжедмитрию II излагается содержание более раннего

послания самозванца, где великолучанам только грозят появлением Лисовского в Великих Луках для искоренения «смуты»²⁵.

Для руководства Пскова, и прежде всего для дьяка Луговского, Лисовский был последней надеждой на сохранение власти, и «по челобитью псковскому» отряд воровского атамана не ранее августа 1610 г. прибыл в Псков для его защиты от «свейских немец». Разношерстная армия Лисовского расположилась в пределах крепости (русские отряды), а также на посаде и в стрелецкой слободе (литовско-украинские отряды). Первоначально солдат Лисовского в Пскове воспринимали как защитников от правительственных войск.

Информированный Конрад Буссов пишет о Лисовском, что «псковичи не только очень хорошо приняли его, но даже просили и убеждали остаться у них на некоторое время и оказать им помощь против немцев, которые из Нарвы... ежедневно нападали и налетали на них»²⁶. Но солдаты Лисовского скоро стали вести себя на постое как оккупанты: «Егда же та вся провороваша и проиграша зернию и пропиша, начаша буетию глаголати и грозити гражданам, что мы убо многие грады пленили и разорили, тако же будет у нас граду сему Пскову, поне же убо живот наш весь zde положен в корчме». Тем не менее Лисовский выполнил условия договора и совершил поход против шведов на Ям и Ивангород.

Между тем Смута в России вступила в завершающую фазу. Согласно договору от 17 августа 1610 г., русским царем должен был быть избран сын польского короля Владислав. В ночь с 20 на 21 сентября польский гарнизон вступил в Москву и расположился в Кремле и Китай-городе. Однако поляки нарушили договоренности с боярским правительством, ввели оккупационный режим и договорились с марионеточным правительством Салтыкова о воцарении в России самого короля Сигизмунда IV. Зимой 1610-1611 гг. в России началось земское движение за восстановление государства.

Во второй половине декабря 1610 г. патриарх Гермоген начал рассылку грамот, в которых призывал земщину не присягать

польскому королю: «да и во Псков прислаша грамоту от Ермогена патриарха и от всех московских бояр болших: как де вам стояти против московского и литовского и польского царства. И псковичи, уповая на живоначальную Троицу, креста не целовали королевичю»²⁷. По призыву Гермогена в Рязани началось формирование первого ополчения, однако отдаленный Псков остался один на один со своими врагами.

Диверсия Лисовского в восточной Эстляндии оказалась успешной; по сообщению Буссова, он «не только очистил псковский рубеж от нарвского войска, но тайными хитростями и переговорами добился того, что 500 англичан и 300 ирландцев откололись от них и примкнули к нему, после чего нарвское войско оставило псковичей в полном покое. Оказав псковичам эту услугу, Лисовский перешел на сторону польского короля и эту зиму провел в Вороноче»²⁸. Буссов не говорит, когда Лисовский заключил договор с Сигизмундом IV, но уже на обратном пути из Ивангорода в январе 1611 г. его армия попыталась захватить Печоры: «...Олисовской пришел изгоном с немцами и с литвою тайно под Печоры, и взя острог и торги все и много множества всякого богатства, и людеи многих полонил и к городу приступал много, малым сохранил Бог; а пришел врагами меж гор. И под Изборском был и дрался со псковскими ратными, и под Островом и под Опочкои, и стал на Вороноче, и воевал Псковщину, а литвы и немец 2000 с ним»²⁹.

Рейд Лисовского и его отказ от защиты Пскова поставил город в тяжелейшее положение. Южные пригороды Псковской земли были захвачены Лисовским, Великие Луки 25 декабря 1610 г. были захвачены и сожжены также перешедшим на сторону Польши Григорием Валуевым. В марте 1611 г. Польша начала прямую интервенцию в пределах Псковской земли. Гетман Великого княжества Литовского Ян Ходкевич попытался захватить Печерский монастырь. Уже 10 марта передовой отряд гетманского войска смог выбить петардой ворота крепости и держался до вечера на ее территории. В вербное воскресенье 17 марта к монастырю подошла основная армия Ходкевича с крепос-

тной артиллерией. Осада монастыря продолжалась почти полтора месяца; гарнизон отбил семь приступов и удержал крепость, несмотря на то, что литовцам удалось серьезно повредить башни и стены.

Впервые за все время Смуты положение Пскова стало критическим. Как говорит летописец, «и того лета начаша вся злая быти во Пскове: всякой хлеб дорожати посадах, поне же осажен бысть отвсяду, з дву сторон немцы, а с третью Литва, не дающе никамо исходити из градов потребы ради»³⁰. В этот тяжелейший момент на Северо-Западе России появился очередной самозванец, принявший имя Дмитрия – Лжедмитрий III, или «псковский вор». Это был некто Матвей, беглый дьякон из Москвы, торговавший ножами в Новгороде. Впервые он объявил о себе как о чудом спасшемся царе 23 марта 1611 г. За три месяца до этого, 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий II был убит в Калуге и, таким образом, псковский вор получил уникальный шанс возглавить казачье движение в оккупированной поляками стране.

Первоначально Лжедмитрий III укрепился в Ивангороде, а в Пскове получил поддержку только от казаков. «Апреля в 15 день казаки псковские поидоша на Олисовского, сказаша, а пошли на Ивангород к вору». В условиях крушения тушинского режима псковские тушинцы во главе с дьяком Луговским совершили очередной политический маневр. По сообщению летописи, «послаша псковичи челобитшиков ко всей земли князю Дмитрею Трубецкому и Ивану Зарутцкому под Москву, что Лисовской с немцами, а Хотков под Печерами стоит, а новгородцы с немцами мало отходят; а от Ивана города вор наряжается подо Псков на осад; многие напасти отовсюду сходятся, а помощи ниоткуда нет»³¹. Видимо, руководитель ополчения Прокофий Ляпунов оценил важность Пскова и обещал городу помощь: «июля в 4 день пришли челобитшики псковские ис-под Москвы от Прокофья Ляпунова и от Ивана Зарутцково з грамоты».

Однако уже 22 июля Ляпунов был убит, подмосковное ополчение стало распадаться, и Псков вновь оказался предоставлен самому себе. С 8 июля по 23 августа Псков осаждал Лжедмитрий III, но «вор» смог лишь захватить городское стадо. Гораздо опаснее

была шведская угроза. 16 июля шведам сдался Новгород, а уже через полтора месяца они оказались под стенами Пскова. Русско-шведская армия под командованием Эверта Горна осаждала Псков с 31 августа по 7 октября. В летописи сообщается, что шведам удалось выбить петардой Взвозские ворота на р. Великую, но на этом их успехи закончились.

Тем не менее осенью 1611 г. в Псков прибыл воевода, командированный первым ополчением и его руководителями Зарутцким и Трубецким. Это был приехавший «з грамоты от всеи земли» Никита Дмитриевич Вельяминов. Н. Вельяминов был беспринципным человеком: в 1609 г. служил Лжедмитрию II, а в 1610 г. перешел на службу к польскому королю Сигизмунду, получив от него в управление Ямской приказ³². Когда под Москвой стало собираться ополчение, Вельяминов вновь поменял политическую ориентацию, примкнув к отрядам Ляпунова и, таким образом, получил ответственное назначение воеводой в Псков. Трудно сказать, как сложились отношения Вельяминова с дьяком Луговским, но, во всяком случае, после апреля 1611 г. имя дьяка в источниках не упоминается. Вельяминов же встал у основания новой самозванческой интриги, охватившей не только Северо-Запад, но и центр России.

4 декабря 1611 г. «проиде сквозе немец вор во Псков», и псковичи поцеловали крест очередному самозванцу. Для Пскова это было актом отчаяния. Во-первых, город был блокирован отрядами, подчинявшимися разным политическим силам. Еще в августе 1611 г. Лисовский покинул собиравшихся ему изменить русских казаков «и отправился один с 800 иноземцев в Красное, взял его..., уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с каковыми он остался в той же крепости, сохраняя ее для короля польского»³³. Получив операционную базу в Красном городке, Лисовский непрерывно совершал нападения на другие пригороды, по выражению летописца, «яко волк искрадом хватая и поядая». Зимой 1611-1612 гг. Лисовский «в нощи изгоном» напал даже на стрелецкую слободу под Псковом.

Во-вторых, в Пскове с трудом ориентировались в политических перспективах страны. Как писал С.Ф. Платонов, «на окраинах государства, вдали от обоих «пра-

вительство», московского и подмосковного, нелегко было судить о делах. Довольствуясь слухами или краткими сообщениями грамот, присылаемых из соседних городов, провинциальные московские люди понимали ясно лишь одно то, что государство гибнет и что необходимо новое усилие для его очищения от врагов»³⁴. Трудно сказать, верили ли псковичи в то, что беглый дьякон Матвей на самом деле является царем Дмитрием Ивановичем. Полностью такой версии исключить нельзя, ведь в городе не видели прежних Лжедмитриев, а к известию о гибели Лжедмитрия II в Калуге псковичи, скорее всего, отнеслись индифферентно. Русские справедливо полагали, что если Дмитрий дважды воскресал после объявленной смерти, то почему бы ему не воскреснуть и в третий раз?

У нас почти нет данных о порядках, бытовавших в Пскове после «воцарения» в городе Матюшки. В единственном сохранившемся от времени «царствования» самозванца в Пскове акте, адресованном польскому наместнику в Прибалтике, псковским воеводой назван князь Иван Федорович Хованский³⁵. Видимо, он, будучи доверенным лицом «вора», сменил Никиту Вельяминова.

В инвективах против «псковского вора», рассылавшихся Пожарским из Ярославля, казаки обвинялись в том, что они вернулись «к своему первому злому совету: бояр и дворян и всяких чинов людей и земских и уездных лучших людей побити и живогты разграбити, и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю»³⁶. Созвучны этому и показания П. Петрея, которые малодостоверны: самозванец, «поживши несколько времени, стал очень нахален, при всех позорил жен и дочерей, делал много других своевольств и злодейств»³⁷. Показаниям Петрея доверять нельзя потому, что дальше он говорит о «мятеже» псковичей против «вора» и его бегстве из города, хотя на самом деле все происходило иначе. Вероятно, в Пскове были случаи насилия казаков из окружения «вора», но широкого распространения эта практика не нашла.

Зато появление самозванца оживило казацкое ополчение под Москвой, и уже 2 марта 1612 г. руководители ополчения Заруцкий и Трубецкой привели армию к присяге «псковскому вору». Новому царю Дмитрию

присягнули некоторые города на юго-востоке страны: Зарайск, Воротынский, Таруса, Арзамас, Курмыш. Однако большая часть России не хотела признавать царем «ведомого вора», и даже вожди ополчения колебались. П.Г. Любомиров заметил, что «грамоты подмосковного правительства от 9 и 13 марта писаны «по государеву цареву и великого князя всея Руси указу», но от 17 марта уже от имени бояр только»³⁸. В середине марта в Псков был отправлен близкий к Лжедмитрию II человек, Иван Плещеев, с целью определить подлинность царя, объявившегося в Пскове: «правда вора досмотреть».

В Псков Плещеев прибыл 11 апреля и, уверившись в самозванстве нового Дмитрия, стал готовить переворот в городе. Видимо, Плещеев действовал совместно с воеводой Вельяминовым. Преданные самозванцу казаки 10 мая были отправлены под Порхов, и, почувствовав опасность, вор пытался бежать. Из сообщений летописи ясно, что Лжедмитрий III вместе с преданным ему Хованским бежал 18 мая, но через два дня был изловлен и посажен «в полату». Уже 1 июля 1612 г. незадачливого авантюриста повезли в подмосковные «таборы». По дороге конвой наткнулся на отряд Лисовского, который «сполох им учинил велик, и разогнал их розно»³⁹, но отбить самозванца не смог.

Смута в умах псковичей к лету 1612 г. в общем закончилась, но Смута как гражданская война продолжалась. В июне-июле шведские отряды трижды подходили к Пскову, убив и захватив в плен до 90 человек. С юга непрерывно совершал нападения Лисовский; весной 1612 г. он стоял под Псковом в течение недели. Итогом стало катастрофическое запустение Псковской земли и рост цен на хлеб. Летописец констатировал, что «хлеб во Пскове дорог был, по 30 алтын четвертина, а четвертина мала была, мало больши осмака; а корова по 5 рублей и больши». В новгородских землях в конце XVI в. шестипудовая четверть ржи стоила 60 московских денег (10 алтын)⁴⁰. Если учесть, что в летописном сообщении имеется в виду четырехпудовая четверть, то приходится признать, что по сравнению с концом XVI в. хлебные цены выросли в 4,5 раза.

* * *

Таким образом, гражданская война на Северо-Западе России по своему ходу и основным проявлениям отличалась от событий Смуты на юге и в центре России. Псков проявил завидное упорство, поддерживая на протяжении четырех лет самозванцев. Поддержка самозванцев не всегда была обусловлена социально-классовыми интересами. На стороне Лжедмитриев всегда сражалось достаточно много дворян, самозванцы пользовались поддержкой средних слоев городского населения, хотя важнейшей опорой самозванчества стали служилые люди по прибору – казаки и стрельцы. У нас нет прямых данных о самоорганизации псковских стрелецких полков в годы Смуты, но не будет слишком смелым предположить, что их структура была организована по типу каза-

чьих сообществ, с «кругом», выборными атаманами и «старшиной».

В таком контексте Смута предстает перед нами в большей степени как архаизация социальной жизни, нежели как социальная борьба, ведшаяся за принципы социального равенства. Самосознание российского общества скорее было подвержено, по выражению А. Ципко, «шизофрениии национального предательства», чем целенаправленным действиям по изменению общественного строя. Вместе с тем модель поведения населения Пскова в начале XVII в. была абсолютно нетипичной для России в целом. Признав власть самозванца в 1608 г., псковичи не изменили имени «царя Дмитрия» вплоть до 1612 г. Причем, в отличие от ряда крупных городов центральной России, идея самозванчества стала для Пскова знаменем борьбы с иностранной интервенцией.

Примечания

1. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989.
2. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1995; Смирнов И.И. Восстание Болотникова (1606-1607 гг.). М.- Л., 1951; Псков: Очерки истории. Л., 1990. С. 84-97.
3. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913. С. 429; Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых. СПб., 1906. С. 23.
4. Тихомиров М.Н. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. // Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 11-22.
5. Ингерфлом К.С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории // Реализм исторического мышления: Чтения памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 99-100.
6. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988; Псков: Очерки истории. Л., 1990. С. 90.
7. ПСРЛ. Т. 34. С. 247; Псковские летописи. [ПЛ] Вып. 2. М.-Л., 1941. С. 269, 271.
8. ПЛ. Вып. 2. С. 268, 269.
9. Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. С. 120.
10. ПЛ. Вып. 2. С. 269, 270.
11. Псков: Очерки истории...
12. ПЛ. Вып. 2. С. 270-271.
13. Платонов С.Ф. Очерки... С. 237, 273.
14. ПЛ. Вып. 2. С. 271.
15. Там же.
16. Псков: Очерки истории... С. 92-93.
17. Акты исторические. Т. 2... № 238. С. 280.
18. Флоря Б.Н. К истории Смуты на западе России // Отечественная история. 2002. № 3. С. 132.
19. ПЛ. Вып. 2. С. 272-273.
19. Акты исторические. Т. 2... № 305. С. 360.
20. Псковские летописи. Вып. 1. М., 1955. С. 136.
21. Платонов С.Ф. Очерки... С. 273.
22. Псков: Очерки истории. Л., 1990. С. 96.
23. Акты исторические. Т. 2... № 285. С. 343.
24. ПЛ. Вып. 1. С. 137.
25. Акты исторические. Т. 2... № 285. С. 345.

26. *Буссов К.* Московская хроника (1584-1613). М.- Л., 1961. С. 160.
27. ПЛ. Вып. 2. С. 273-274.
28. Там же.
29. ПЛ. Вып. 2. С. 276.
30. ПЛ. Вып. 1. С. 139.
31. ПЛ. Вып. 2. С. 276.
32. *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 303.
33. *Буссов К.* Указ. соч. С. 161.
34. *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 336.
35. Акты исторические. Т. 2... № 335. С. 401.
36. Акты Археографической экспедиции. Т.2. СПб., 1841. № 203. С. 256.
37. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском... М., 1867. С. 299.
38. *Любомиров П.Г.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611-1613 гг. Пг., 1917. С. 99.
39. ПЛ. Вып. 2. С. 277.
40. Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 21.